

Мы едем в гости к Карелу Готту. День клонится к вечеру, наступает тот час светлых сумерек, когда Прага окрашивается в голубовато-серые тона. Они подчеркивают холодную синеву спокойной в этот период года Влтавы и вычерченную столетиями бирюзу островерхих готических башен. С этой голубой гаммой гармонирует червонный блеск старинной Златой Праги, к которому осень прибавила золото листьев. Ею заполнены небольшие садики, они взбираются вверх по одному из холмов, на котором раскинулся город. Машина бежит по улице «На Бертрамке». Здесь в одном из особняков, который тоже называется «Бертрамка», жил Моцарт. В этом доме он закончил специально написанную для Праги оперу «Наказанный распутник, или Дон Жуан» и сам дирижировал на премьере в тогдашнем Сословном театре. До сих пор дом полон музыки еще и потому, что здесь регулярно проходят юбилейные концерты, посвященные памяти великого композитора.

А мы взбираемся выше, и вот машина останавливается перед невысоким зданием с палисадником. Калитка гостеприимно распахнута, но хозяина дома нет.

— Карел уехал еще утром и пока не вернулся,— сообщает нам появившаяся из садика молодая девушка. А пока мы объясняем с ней и вслух размышляем — как же так? — из-за поворота на полной скорости вылетает машина. Из нее выпрыгивает Карел Готт — ключ от входной двери в руках, — и через несколько минут мы уже сидим в удобных креслах. Хозяин дома ставит на стол кофе и сообщает, что совершенно готов работать. Жаль, немного не успел опередить гостей: утром понадобилось срочно выехать в Карловы-Вары, гнал обратно машину, но все-таки приехал на две минуты позже.

— Много ли работы? — переспрашивает Карел Готт. — Работы много всегда. Готовлю новые номера, выступаю с концертами. На днях по чехословацкому телевидению была показана передача, сделанная по только что выпущенному фирмой «Супрафон» диску «Это был лучший год». Мы решили создать своеобразный фильм, состоящий из многих музыкальных сценко-сюжетов, придуманных для новых песен, которые я исполняю и которые записаны на диске. Каждая песенка — маленькая история как бы оживала на экране перед зрителями. В этих песенках рассказываю о себе, о своих чувствах. Считаю, что мой долг как певца пробуждать в людях хорошие, светлые эмоции, дарить им радость. Я всегда был и остаюсь романтическим тенором.

— О вас всегда пишут, что вы из тех исполнителей, которые находятся в постоянном поиске, не «замирают» на раз выбранном клише. Сейчас на эстраде снова в моде рок, другие электронные ритмы, например, брейк-данс. Как вы к ним относитесь? Находят ли эти ритмы место в вашем репертуаре?

— Я пою мелодичные песни и вот уже двадцать три года выступаю в этом жанре. За мою жизнь сменилось немало стилей. Помню времена, когда были очень модны и рок, и твист, и другие ритмы — они приходили и уходили. Я не гоню за модой, считаю, что должен оставаться тем, что я есть. У меня своя публика, которая рьяно одобрит меня, если я начну соревноваться с модными певцами. Однако это не значит, что все в моей музыке остается без изменения, таким, как было много лет назад. Ухо слушателя, как профессионала, так и любителя, быстро привыкает к новой музыке, и поэтому играть, как играли десять лет назад, нельзя. Думаю, что прежде всего оркестр должен быть иным, состоять из инструментов сегодняшнего дня. В моем оркестре, с которым я теперь выступаю, духовых уже нет, есть клавишные, электронные инструменты, гитара, бас-гитара, барабан. Что же касается постановки моих номеров, то здесь я придерживаюсь своих правил. Мне чужды модные новации, которые присутствуют эстрадным певцам, исполняющим популярные ритмы. Они любят появляться перед публикой в ярких, экстравагантных одеждах, усердствуют в гриме. Это не мой сценический образ. Мне чужды также все те эффекты, которыми сейчас сопровождают эстрадные номера. Часто видишь, как по залу, где выступает модный певец, мечутся лазерные лучи, стелются по сцене клубы дыма, что-то взрывается, лязгает, грохочет — все это не для моего слушателя. Для меня самое главное — быть в хорошем настроении, суметь сосредоточиться на том, что я буду петь, и тогда мне

легко установить контакт с залом. Нет, вы не думайте, я тоже пробовав, все пробовав, экспериментировал и со светом, и со всем прочим, но моя публика очень плохо на это реагировала. И я решил: не стоит стремиться во что бы то ни стало завоевывать новые легионы слушателей, так можно только потерять свою публику. Но это не значит, что я не обращаюсь к самым молодым — на них рассчитана моя пластинка «Музыка», которую выпустил «Супрафон» и за которую я получил очередной «Золотой диск».

Карел берет грампластинку со стеллажа, который занимает всю стену: здесь книги, диски, кассеты, различные призы — трофеи музыкальных фестивалей. И забранные в металлические рамки на темном фоне золотые диски. Их вот уже много лет популярный певец получает от тех фирм, с которыми сотрудничает. Это «Политор», «Супрафон», «Арттия», «МИДЕМ». Здесь же пла-

словачки конкурс на лучшего исполнителя эстрадной песни проводит ежегодно журнал «Млады свет». Двадцать раз лауреатом этого состязания провозглашали Карела Готта. И вот недавно он появился на экранах телевидения с большой клеткой в руках. В ней сидели соловьи — все двадцать. Карел Готт демонстративно закрыл клетку, тем самым наглядно показав, что в конкурсе «Золотой соловей» он больше не участвует.

— А вообще, кроме пения, у меня есть еще одно любимое занятие — это живопись, — говорит певец. Выходит в другую комнату и появляется с двумя полотнами в руках. — Свою последнюю картину написал как бы по собственному заказу для конверта к моему новому диску, который скоро выйдет в Чехословакии. Мне захотелось, чтобы конверт на этот раз выглядел иначе, ведь обычно на нем помещают мой портрет.

Грозовое небо над равниной,

КАРЕЛ ГОТТ РАБОТАЕТ БЕЗ ОТПУСКА

тиновая грампластинка «Супрафон». Кроме того, фирма «Политор» присудила ему «Золотую иглу». До него такими премиями были отмечены известнейшие во всем мире музыканты — Герберт фон Караян и Леонард Бернстайн.

— Вас хорошо знают советская публика, любители эстрады социалистических стран, Европы. Где еще, кроме Европы, вам приходилось гастролировать, какие поездки вам особенно запомнились?

— Наверное, проще было бы сказать, в каких странах я не был, — смеется Карел Готт. — В общем, побывал на всех континентах, исключая Австралию. Одна из особенно запомнившихся поездок — гастроли в Канаде и в США. Выступал с концертами в Лас-Вегасе. Сумасшедший город! Вот уж где все подчинено только деньгам! Одна деталь бросилась в глаза: в городе нигде нет часов, время здесь как бы не существует. Оно не имеет значения для обитателей этого безумного мира, не имеет никакой ценности, просто день сменяется ночью, и все. Невозможно узнать, который час, это и не надо, ничто не должно отвлекать от игры тех, кто приехал сюда. В определенном смысле было любопытно наблюдать за жизнью этого огромного города — чудовищного города-рулетки, но не выступать перед ними, не петь. А я там пел, и каждый вечер видел в зале совершенно разнородную публику. То важного бизнесмена в смокинге, наверное, из Чикаго, то группу ковбоев откуда-нибудь из Техаса или Алабамы. Это были приезжие туристы, они ежедневно толпами наводняли город, их привозили из самых разных штатов показать этот диковинный город-игрушку, созданный для супербогачей. Они то и дело смотрели в программу, явно сляпав записать мое имя. Конечно, найти понимание у этой аудитории было невозможно. Был в Италии, но там пел мало, там трудно выступать любому иностранному певцу, кроме американских, которых на Апеннинских принимают с распростертыми объятиями. Пел в Каракесе, Токио, Рио-де-Жанейро, Афинах, Лондоне, получил большой приз Евровидения, трижды принимал участие в песенном фестивале в Канне, получил там золотой диск. И, конечно, самые мои дорогие призы — это «Золотые соловьи», полученные в Чехословакии, хотя я решил больше не участвовать в этом конкурсе: надо дать и молодым певцам возможность завоевать «Золотого соловья»!

Этот популярнейший в Чехо-

одинокое дерево, фигура человека, несущего в футляре какой-то музыкальный инструмент. Идти трудно, шквальный ветер гонит тучи, рвет ветви дерева, но человек идет вперед.

— Да, да, — говорит автор, — смысл картины именно в том, что музыкант должен всегда идти вперед, даже если приходится идти против ветра. А вот еще одна из последних работ, — Карел появляется с другой картиной. — Решил написать женский портрет в духе французских импрессионистов.

Портрет выдержан в красно-черно-желтой гамме. Строгая большеглазая красавица держит зеркало, в нем отражается лицо старого, усталого человека. — Это она мне говорит, что вот, мол, и ты такой будешь, — смеется Карел Готт.

Нарисованная красавица явно ошибается. Карел Готт еще долго будет таким, каким все мы привыкли его видеть: молодым и стройным, неутомимым и легким.

— Карел, как вы проводите свой отпуск, когда вы отдыхаете?

— Отпусков не беру. Боюсь остановиться, что-то упустить, потерять: вдруг после паузы придется все начинать сначала. Может быть, это и есть одна из особенностей моей профессии: работать всегда, постоянно. Я много езжу, вижу каждый раз новых людей, общаюсь с ними, и это лучший подарок судьбы. Каждый раз, когда я приезжаю, например, в Москву, я счастлив еще и оттого, что встречаю здесь моих друзей — поэтов, музыкантов, актеров. В скором времени меня ждут новые встречи с советскими друзьями. Собираюсь приехать в Советский Союз в мае будущего года. Хотел бы показать моим советским друзьям новые работы. Было бы неплохо, если бы до моего приезда они прозвучали по советскому радио и телевидению. Для певца важно, чтобы с его новыми работами слушатели познакомились еще до начала выступления. Тогда публика будет подготовлена к концерту, будет ждать его. И непременно будет петь в Москве русские романсы.

А мы вспомнили, как на фестивале русской и советской музыки в Карловых-Вархах в прошлом году притихший зал наполнила знакомая прекрасная мелодия, и грустный, и ласковый голос вывел: «Я встретил вас...».

Л. ФИЛАТОВА,

спец. корр.

«Советской культуры».
ПРАГА — МОСКВА.
● Карел Готт и чехословацкая певица Даринка.